

Задав ещё несколько вопросов, врач заключил, что причина в чрезмерной тревоге.

Сун Вэньчжоу попросил бумагу и кисть, выписал рецепт и велел слуге приготовить лекарство. Потом он долго сидел над чистым листом, обтирая пот со лба, не зная, как описать состояние Цинь Цзюнь для доклада во дворец.

Если преуменьшить тяжесть, принцесса может зачахнуть, а его объявят шарлатаном — и голова слетит. Если преувеличить — император разгневется, и конец будет тот же...

Цинь Цзюнь, съев пару пирожных и обмахнув крошки с губ, сказала:

— Пишите правду. В последнее время мне часто снится матушка. Наверное, стоит ещё немного пожить за стенами дворца, развеяться — и всё пройдёт.

Сун Вэньчжоу поспешно кивнул и принялся быстро писать, приговаривая:

— Я прописал принцессе лишь успокоительные и снотворные средства. Сегодня ночью вы непременно хорошо выспитесь и почувствуете себя лучше.

— Успокоительные и снотворные? — пробормотала Цинь Цзюнь и вдруг спросила:

— А яд среди них есть?

С грохотом Сун Вэньчжоу повалился на колени вместе со стулом, его шапка откатилась в сторону.

— П-принцесса, в-ваше высочество! Это просто успокаивающие снадобья, конечно, в них нет яда!

Цинь Цзюнь слегка приоткрыла рот, от неожиданности даже поджала ноги и отодвинулась к Цзиньсю. «...»

— Я... я имела в виду... наверное, в резиденции князя Кана давно никто не жил, и по ночам слышны шорохи мышей да змей. Хотела попросить господина лекаря приготовить крысиный яд, чтобы отравить грызунов?

Сун Вэньчжоу покраснел, поняв, что устроил нелепый переполох, и закивал, бормоча согласие.

Часть крысиного яда использовали для отравления мышей — для отвода глаз, — а другую часть Цинь Цзюнь передала Цзиньсю.

Цинь Цзюнь многозначительно взглянула на неё и слегка подняла подбородок:

— Ступай.

Цзиньсю, разумеется, поняла намёк и в ту же ночь снова отправилась в таверну «Тунфу».

Вернулась.

— Опять неудача? — спросила Цинь Цзюнь.

Цзиньсю покачала головой:

— Пока не знаю. Я спустилась с крыши и подсыпала яд на стол, туалетный столик и вешалку

для одежды. Когда она утром будет умываться, пить, есть или причёсываться, обязательно коснётся отравы — тогда уж не спасётся.

Цинь Цзюнь в это время мыла руки. Она всегда делала это перед едой, после, перед сном и после пробуждения. «...»

Цзиньсю, держа таз с водой, смотрела на неё.

Цинь Цзюнь, вытирая руки, вздохнула:

— Надо было подсыпать в колодец, тогда бы уж наверняка.

Цзиньсю поднялась с тазом:

— Я схожу ещё раз!

— Не надо, — остановила её Цинь Цзюнь. — В таверне много народу, не стоит вредить невинным.

Цинь Цзюнь легла, но ворочалась с боку на бок, не в силах уснуть. Цзиньсю, заметив это, поднялась и зажгла успокаивающую благовонию, приготовленную Сун Вэньчжоу. Лишь тогда Цинь Цзюнь погрузилась в сон.

Прошло два дня. Цинь Цзюнь вместе с Цинь Куаном отправилась слушать музыку и смотреть представления. Цзиньсю же каждую ночь ходила в таверну «Тунфу» отмечаться, с каждым разом подсыпая всё больше яда.

— Позавчера она уже могла вставать и двигаться. Взяла у хозяина деньги, оставленные вашим высочеством, и пошла в портняжную заказывать платье. Бродила вокруг и прошла мимо развалин Нефритового терема, — доложила Цзиньсю, склонившись.

Цинь Цзюнь, держа иглу для вышивания, тыкала ею в пальцы.

— Она спрашивала о Нефритовом тереме?

Цзиньсю покачала головой.

Цинь Цзюнь подумала про себя: наверное, та знает, что никто не расскажет ей о тех событиях подробнее, чем она сама, потому и не стала выяснять.

Ещё через день Цзиньсю доложила:

— Позавчера заказывала платье, сегодня выбирала украшения. На вид... всё ещё бодр и здорова...

Цинь Цзюнь занималась каллиграфией в кабинете резиденции князя Кана. Она ткнула кистью в чернильницу, и капля чернил упала на бумагу, расплывшись поверх имени Цзи Сы.

— Ладно, хватит.

— Слышал, сестрица в последнее время не в духе? — раздался голос Цинь Куана со двора. Он широким шагом вошёл в кабинет, держа в руке письмо, и с улыбкой подошёл:

— У меня есть кое-что, что наверняка обрадует шестую сестру!

Что это? Некролог старшей принцессы Цзян, Цзи Сы?

Цинь Цзюнь вздохнула и всё же взяла письмо, которое протянул Цинь Куан.

— Что это?

Цинь Куан подмигнул:

— Заходил во дворец навестить матушку, заодно и тебе принёс.

Цинь Цзюнь вскрыла конверт и увидела, что это письмо из дома.

В преддверии праздника в Верхней столице все удельные князья и вассальные государства отправляли своих послов ко двору, чтобы вместе с Сыном Неба разделить трапезу и разделить радость благоденствия. После торжеств послы докладывали о положении дел в своих владениях, и император решал, кого наградить, а кого покарать. Если же обнаруживались признаки неповиновения, Сын Неба заранее принимал меры.

Мать Цинь Цзюнь была дочерью покойного генерала-хранителя государства Ли Ечжэня. Покойная императрица носила имя Ли Юэин — «Лунная полнота» — и была любимицей Ли Ечжэня. Когда Ли Юэин стала императрицей, дом Ли достиг вершины могущества. Позже она родила Цинь Бяню старшего сына, которого нарекли Цинь Дин, с взрослым именем Хуаньюй — «Поднебесная», — и провозгласили наследником престола.

Дом Ли обладал огромной властью при дворе и хранил беззаветную верность, пока покойная императрица не скончалась при тяжёлых родах. Ли Ечжэнь затаил обиду на Цинь Бяня, но ради наследника продолжал служить верой и правдой. Пока шесть лет назад на границе не вспыхнула тревога, генерал-хранитель повёл войска в поход, а оставшиеся в столице заложники-наследники князей вступили в сговор с окраинными землями и подняли мятеж, в котором погиб наследник.

Генерал-хранитель вернулся с победой, но, потеряв старшего внука, утратил интерес к службе. Он подал прошение об отставке, вернул тигриную верительную печать и испросил титул левого князя, после чего со всей семьёй удалился в Цзянчжоу. Так у Цинь Цзюнь в столице не осталось близкой родни.

Цинь Цзюнь сложила письмо и пробормотала:

— Это мой двоюродный брат приезжает.

Цинь Куан спросил:

— Должно быть, через несколько дней будет. Сестрице теперь полегче?

Цинь Цзюнь улыбнулась:

— Шесть лет не виделись, я почти забыла, как выглядят родные со стороны деда.

Цинь Куан: «...»

Видя её подавленность, Цинь Куан не знал, как утешить. Двадцать лет назад удельные князья уже успели окрепнуть, и Цинь Бянь повелел возвести Высшую академию, куда пригласил сыновей князей изучать пути управления миром — под видом учёбы, а на деле в качестве заложников.

Изначально Цинь Бянь придерживался человеколюбивого правления и относился к заложникам по-доброму. Но после того, как шесть лет назад мятеж удельных князей унёс жизнь наследника престола, Цинь Бянь стал крайне опасаться князей. Расправившись с мятежниками, он казнил множество заложников по обвинению в заговоре. Одновременно он воспользовался случаем, чтобы ослабить князей и удельных правителей: кого-то понизил в титуле, а к кому-то под предлогом награды отправил своих людей «помогать» в управлении.

Левый князь, как один из немногих неродственных князей, обычно отправлял в столицу лишь послов. На этот раз он отправил внука Ли Удуаня — видимо, въехать в столицу будет легко, а вот вернуться обратно — вряд ли.

Цинь Куан сказал:

— Не бойся, сестрица. Отныне в столице у тебя будет ещё один родной человек, и это хорошо. Отец-император непременно отнесётся к нему с любовью и почтением...

Но Цинь Цзюнь думала не об этом. Лицо её побелело, пока она вспоминала, когда же в книге Ли Удуань прибыл в столицу.

Это случилось, когда шестой принцессе исполнилось семнадцать и встал вопрос о замужестве. У Ли Юэин было двое детей, и после смерти старшего сына её внучка осталась в столице в одиночестве. Ли Ечжэнь не вмешивался, оказывая Цинь Бяню почтение и не желая возбуждать подозрений. Но когда дело касалось брака, где решают родители и свахи, он никак не мог остаться в стороне и потому отправил в столицу своего сына Ли Юэчуаня и внука Ли Удуаня, чтобы они присмотрели жениха и всё устроили.

Тогда шестая принцесса впервые за время после отъезда семьи Ли увиделась с двоюродной роднёй.

Шестая принцесса дважды обсуждала замужество: помимо того нелепого брака в девять лет, второй раз — как раз в семнадцать. В тридцать первом году правления под девизом «Цзюньхэ», за полгода до свадьбы восемнадцатилетней принцессы, на страну напали юаньцы. Война длилась полгода, Цинь-Чжоу потерпела сокрушительное поражение, Цинь Бянь тяжело заболел и был вынужден перенести столицу.

А ещё через два года... Цзи Сы получила звание женщины-генерала, сперва уничтожила ху, а затем напала на Чжоу... Чжоу пала, шестой принцессе было двадцать лет, и она бросилась с городской стены, погибнув в расцвете лет.

«...»

Цинь Цзюнь заходила по кабинету. Шестой принцессе было семнадцать, когда начались переговоры о замужестве, а сейчас ей всего четырнадцать. Неужели встреча с роднёй произошла более чем на два года раньше?

Она раскрыла книгу и принялась внимательно перечитывать её с самого начала. Перечитывала! Перечитывала! Перечитывала!

Наконец Цинь Цзюнь рухнула в кресло. Она подумала: неужто она, случайно попав в этот исторический водоворот, и впрямь стала той самой бабочкой, что взмахом крыльев поднимает бурю?

—

Цинь Цзюнь шла за слугой в комнату Цзи Сы, но на полпути вдруг струсила и ухватилась за рукав Цзиньсю — лишь тогда почувствовала хоть какую-то безопасность.

Позади них следовал лекарь. Подойдя к двери, слуга постучал и тихо спросил, можно ли войти.

Изнутри раздался стук по спинке кровати. Цинь Цзюнь не поняла, но слуга уже привык, что Цзи Сы часто ленится даже говорить с ним.

Обычно, когда кто-то приходил, стучал в дверь и звал, она либо стучала по кровати или шкафу в знак согласия, либо попросту не утруждала себя ответом.

Слуга вошёл первым и сказал:

— Девица, ваша маленькая благодетельница пришла навестить вас.

Цинь Цзюнь вошла с Цзиньсю, но от волнения споткнулась о порог и едва не упала.

Цзи Сы, полулежавшая на кровати, тут же поднялась и сказала:

— Я переоденусь.

Цзиньсю возразила:

— Не нужно, госпожа просто пришла проведать вас.

Цинь Цзюнь кивнула:

— Ложись обратно.

Затем она подозвала старого лекаря, стоявшего за дверью:

— Входите.

<http://bllate.org/book/16274/1465061>